

КОГДА Московский драматический театр имени К. С. Станиславского в 1964 году находился на гастролях где-то в провинции, к главному режиссеру Б. А. Львову-Анохину приехал показаться молодой неизвестный актер. Даже не такой уж молодой — ему как раз исполнилось тридцать два года. Это был Георгий Бурков. Приехал он из самой глубины Сибири — города Кемерова, где служил на сцене городского театра вот уже несколько лет. Там его заметил кто-то из столичных критиков, поведал о нем Львову-Анохину, — а тот в свою очередь телеграммой пригласил молодое дарование для знакомства.

Показывался Бурков художественному совету театра в роли Поприщина из гоголевских «Записок сумасшедшего». Провинциальный артист произвел хорошее впечатление.

— Какое у вас театральное образование? — спросил Львов-Анохин.

— Никакого, — ответил Бурков. — А разве по игре этого не видно?

Члены художественного совета рассмеялись. Бурков был принят в труппу театра. Так недоучившийся юрист и артист-самоучка объявился в столице. Его поселили в общежитии, дали роль в новой постановке. А через несколько месяцев наступил день премьеры, первой премьеры Буркова на столичных подмостках.

Утром этого дня неожиданно в общежитии объявился дружок, прибывший из Кемерова. Встреча, разумеется, была очень радостной. Не станем внимательно проследивать все этапы этого злосчастного в биографии Буркова дня. Короче говоря, премьеру пришлось отменить. Директор театра метал громы и молнии, и его можно понять! Наутро за кулисами вывесили приказ, где сообщалось, что за срыв премьеры артист Г. Бурков уволен из театра. Его артистическая карьера в Москве кончилась, не успев начаться.

Что произошло бы с Бурковым и как сложилась бы его дальнейшая судьба, если б его не пригласил к себе в кабинет, прежде чем расстаться, Б. Львов-Анохин, неизвестно. Главному режиссеру театра было жаль терять талантливого артиста, и он предложил Буркову такой вариант: поработать несколько месяцев в труппе, не будучи зачисленным в штат, на общественных началах, что ли. Как бы пройти испытательный срок по линии поведения, доказать, что срыв премьеры был случайностью. А он, Львов-Анохин, договорится с директором театра, что, если Жора выдержит испытание, его снова вернут в труппу. Вид у Бориса Александровича Львова-Анохина был огорченный, расстроенный, Жора тоже после случившегося не выглядел бодрячком.

— Спасибо большое, — сказал Бурков, поняв, что главным режиссером руководят добрые намерения. И вдруг спохватился. — А на что я буду жить? Мне же есть надо...

Наступила пауза. Как решить эту проблему, было неясно. И тут Львов-Анохин принял решение, делающее ему честь.

— Какая у тебя зарплата? — спросил он у артиста.

— Сто рублей! — ответил артист святую правду.

— Ладно, — вздохнул Борис Александрович. — В день зарплаты приходи ко мне, я тебе буду сам платить.

— Из своей получки? — полюбопытствовал Бурков.

— Не твоё дело, — ответил Львов-Анохин.

И Жора стал работать в театре на общественных началах. Прав у него не было никаких, у него были только обязанности. И вот наступил день получки. Бурков постучался в

кабинет главного режиссера и стал в дверях с видом водопроводчика, ожидающего расплаты. Он впервые пришел за деньгами не в кассу, а к своему режиссеру. Львов-Анохин не понял, зачем тот явился, и посмотрел на мнущегося артиста с недоумением. Бурков молчал, всем своим видом пытаясь намекнуть о цели посещения. Но Борис Александрович, занятый текущими делами, не мог уразуметь, чего от него, собственно, хочет Бурков.

— Пятое сегодня, — наемкнул артист.

— Ну и что? — спросил главный режиссер.

— Как — что? — обескураженно сказал артист.

— Не понимаю! — пожал плечами главный режиссер.

— Зарплата сегодня! — печально промолвил артист.

И тут до главного режиссера дошло, зачем пожаловал Бурков. Борис Александрович покраснел от мысли, что он мог забыть об этом договоре, засуетился, полез в карман за кошельком, где находилась его собственная зарплата, отсчитал деньги и, смущаясь, протянул их Жоре. Ведь это был его дебют в роли кассира. Бурков, глядя в пол, принял купюры. Почему-то обоим было неловко смотреть друг другу в глаза. Поблагодарив, Бурков протиснулся в дверь, завершив свой первый грабительский визит. В следующие разы эта процедура проходила не столь мучительно. Оба как-то освоились...

Впоследствии Жора говорил, что это были лучшие месяцы в его жизни: ведь Львов-Анохин выдавал ему зарплату полным рублем, без вычетов и налогов.

Первую роль в кино Г. Бурков сыграл в нашей комедии «Зигзаг удачи». Когда ассистент режиссера привела ко мне Георгия Ивановича для знакомства, я посмотрел на него и сразу «поставил диагноз»:

— У него идеальное лицо для роли спившегося русского интеллигента.

Сек. архивы. 1990. Зональ-библиотека

САМОРОДОК

Во время кинопробы я сразу понял, что встретился с прекрасным, тонким артистом. Своеобразный ярлык я подкрепил тем, что действительно снял его в роли «спившегося интеллигента». После фильма за Бурковым определилось «алкоголическое» амплуа, из которого он не скоро выбрался. В своем кинодебюте он играл ретушера в фотографии, талантливого человека, который из-за любви к «зеленому змию» не стал художником, пропил дарование, одним словом, не состоялся. Но благодаря личным качествам исполнителя, ретушер Петя светился добром, искренностью, отзывчивостью. В этой небольшой роли полной мерой проявилось замечательное дарование актера: невероятная, я бы сказал, из ряда вон выходящая естественность, органичность, искренность поведения в кадре. Природа наградила Георгия Ивановича чувством доброты, лукавством, обаянием. Я считаю, что Бурков в силу своих психофизических данных не может хорошо сыграть отрицательную роль, скажем, злого человека или убийцу. Вся суть артиста восстает против этого. И, мне кажется, пожалуй, единственная неудача среди галереи образов, созданных Бурковым, — это роль «хозяина малины» в шукшинской «Калине красной».

Г. Бурков сдружился с В. Шукшиным еще во время работы над фильмом «Печки-лавочки», где мастерски сыграл роль «профессора» — железнодорожного жулика. Васи-

лий Макарович очень полюбил артиста и не захотел расставаться с ним в своей следующей постановке. Но в сценарии не существовало роли, подходящей постановке. Но индивидуальность актера взяла верх и перевоплощения не получилась...

За пятнадцать лет общения на съемочной площадке я ви-

прошное и сыграть маленький, но очень важный для картины эпизод. По-моему, он сыграл восхитительно роль и весьма «логично» запихнул друга в самолет.

А потом в «Гараже» мы с Брагинским писали роль Фетисова-крестьянина, у которого золотые руки, который бросил деревню ради города, — специально для Буркова. Какому еще артисту можно было доверить такую непростую реплику, как: «Я за машину родину продал!»? Каким положительным потенциалом должен был обладать артист, произносящий эти слова, чтобы это ока-

в нем есть и что-то доброе, но и взятку примет не моргнув. Персонаж, как мне кажется, получился выпуклый, живой, многогранный, в чем-то неожиданный, но цельный. И здесь в первую очередь заслуга артиста. Его дарование за эти годы выросло необычайно.

Талант Буркова всеобъемлющ. Ему подвластны любые жанры как в кино, так и на сценических подмостках. И каждый раз, сталкиваясь с этим артистом, я поражаюсь тому, что не могу понять, как, какими средствами он добивается такой поразительной органики. Я никогда не вижу «белых ниток», которыми он «шьет» роль. Глядя на Буркова, я всегда испытываю ощущение, что встретился не с актером, а с подлинным человеком из жизни, из народа.

Бурков — типичный пример «самородка». На съемочной площадке вокруг него всегда толпа из осветителей, механиков, партнеров-артистов и, чего греха таить, членов режиссерской группы. Бурков — талантливый рассказчик. Когда он начинает свои байки, на площадке постепенно останавливается работа. Съемочная группа окружает Георгия Ивановича. Благодарные слушатели отвечают взрывами хохота на шутки, вымыслы и показы Буркова. А он поистине неистощим! Такой талант — редкость! И как мне бывает обидно нарушать этот изумительный театр одного актера, становиться, по сути, его душителем и кричать:

— Хватит! Хватит! Давайте работать! Начинаем репетицию!

И еще не могу не упомянуть об одном качестве Георгия Ивановича. Оттого, что он частенько играет простоватых мастеровых, людей необразованных, зрителю может показаться, что он и сам такой в жизни. Однако при первом же общении с Бурковым замечаешь его высокую культуру, образованность, тактичность, подлинную интеллигентность. И, что свойственно отнюдь не всем артистам, глубокий ум!

ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ,
народный артист СССР
(Из книги
«Неподведенные итоги»).

Г. И. Бурков в фильме «Старики-разбойники».

дел Буркова сердитым, но никогда не видел злым, помню его гневным, но не помню жестоким, много раз он бывал усталым, но никогда — раздвоенным.

После незадачливого прокурора в «Стариках-разбойниках», который был всегда в перевязках, пластырях или гипсе от загадочной «бандитской пули», я снова обратился к артисту с просьбой выступить в своем старом амплуа. В «Иронии судьбы» требовался персонаж, который отправил бы Лушину в Ленинград и которому бы зритель безоговорочно поверил, что он сделал это случайно. Кто же мог лучше устроить эту путаницу, чем Бурков? Он стал к тому времени крупным, популярным артистом, покончившим с пьющими персонажами. И я буквально упрямил его вернуться в свое недавнее кинематографическое

залось дозволенным. Но при любых поворотах сюжета Фетисов сочувствует обиженным, встает на их защиту, ненавидит человеческую накипь и ржавчину. У него народная смекалка, достоинство, внутренняя, естественная честность. Вся эта доброкачественность существует в Буркове-человеке, заменить на другого исполнителя я бы не смог.

И вот еще одна наша совместная работа. В трагикомедии «О бедном гусаре замолвите слово...». Бурков сыграл роль Егорыча — крепостного камердинера графа Мерзляева. Я считаю работу Буркова одной из самых удачных в фильме. Образ, созданный артистом, получился неоднозначным. В Егорыче намешано многое. Он и плут, и холуй, и шельма, и хозяин своего при этом ненавидит; человек со способностями, не лишен обаяния, себе на уме,